

Научная статья
УДК 398.3
doi: 10.17223/15617793/474/25

Народные образы предвестников Великой Отечественной войны: опыт систематизации и дешифровки

Марина Александровна Рыблова¹

¹ Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия,
ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Аннотация. Представлен опыт систематизации и дешифровки образов предвестников Великой Отечественной войны из устных рассказов русскоязычного населения России. На основе принципов «народной типологии» выявлены важнейшие дифференцирующие признаки этих сюжетов и даны примеры их дешифровки на основе народного концепта «доли» (общей доли-судьбы), которая в кризисных ситуациях нарушается (в сторону убытка или, наоборот, изобилия) и потому должна подвергаться обновлению и новому коллективно-му переделу в особых в обрядовых практиках, направленных на «преодоление» войны и ее последствий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, народные образы знамений войн, коллективная доля-судьба, нарушение нормы, обрядовые практики ее восстановления

Источник финансирования: статья написана в рамках гранта РФФИ № 21-09-43097 «Донские казаки в СССР» и гос. задания ЮНЦ РАН на 2022 г., № гр. АААА-А20-120122990111-9.

Для цитирования: Рыблова М.А. Народные образы предвестников Великой Отечественной войны: опыт систематизации и дешифровки // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 217–227. doi: 10.17223/15617793/474/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/25

Folk images of the forerunners of the Great Patriotic War: An experience in systematization and decryption

Marina Aleksandrovna Ryblova¹

¹ Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Abstract. The article presents an experience of systematization and decryption of images of the harbingers of the Great Patriotic War from the oral stories of the Russian-speaking population of Russia. Considering the signs of war as elements of collective folk memory of crisis situations, the author solves the problem of identifying the main differentiating features for the development of future typology and of deciphering these images and related folk ritual practices and the constant alternation of periods of prosperity and disaster. Adhering to the methodology based on the understanding that typological schemes of cultural elements in folklore and ethnography should be based on folk ideas about their most important properties (i.e., on folk typology), the author suggests using two main features as differentiating signs of images-signs of war: the symbolization of the violation of the norm (in the direction of diminution or overabundance) and the place of the violation (the celestial sphere, the earth, channels of communication between them). Thus, the status of a sign could automatically acquire any image first recorded in the sky due to the sacralization of the heavens themselves in the folk tradition. Most of these images can be interpreted as warning signs of the coming war (comets, new stars, pillars of light); many of them are associated with the theme of confrontation and struggle (fighting riders, roosters, troops), they, in fact, reproduce the picture of the future. As for the earth sphere, most of the signs associated with it symbolize the violation of a certain norm, correlated, according to the author, with the popular concept of the fate (including the common fate), which is violated in the direction of loss or, conversely, abundance, and therefore (to resolve the crisis) must be updated and re-shared in the course of special rites. Finally, part of the images-signs of war in folk stories is associated with the so-called communication channels between the earth and celestial spheres (wells, springs, streams). Violations occurring in this system (channels are either “clogged”, or, on the contrary, functioning with excess) lead to violations of the norm – the fate in the sphere of the earth (in the direction of material abundance), and in the sacred (in the direction of its impoverishment). Images of naked women and wolves appearing to travelers on the road can also be considered as symbols of such violations. Identifying the semantics of these images, the author also shows the implementation of the ideas embodied in them in folk ritual practices aimed at “overcoming” the war and its consequences associated with the concept of the fate, its

collective renewal, new redistribution and collective responsibility. It is also shown that the oral stories especially actualize Christian motives (deviation from the faith, service to the devil's forces) related to the large-scale destruction that took place in the religious life of the country in the pre-war period and the people's understanding of its consequences.

Keywords: Great Patriotic War, folk images of signs of wars, collective share of fate, violation of norms, ritual practices for norm recovery

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 21-09-43097 «Don Cossacks in the USSR», and the state task of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences for 2022, reg. No. AAAA-A20-120122990111-9.

For citation: Ryblova, M.A. (2022) Folk images of the forerunners of the Great Patriotic War: An experience in systematization and decryption. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 217–227. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/25

Эта статья стала своеобразным ответвлением от написанного ранее текста, в котором я пыталась показать, что в экстремальных условиях Великой Отечественной войны восточнославянское население страны широко использовало веками наработанные традиции преодоления кризисных ситуаций, сформировавшиеся в дореволюционное время в рамках крестьянских и казачьих общин и актуализированные в годы тяжелый испытаний [1]. Дальнейшие размышления на эту тему привели меня к пониманию значимости в этом процессе такой особенности коллективной памяти традиционного сообщества, как цикличность ее воспроизводства, связанной, в свою очередь, с народными представлениями о цикличности времени и постоянном чередовании периодов благоденствия и бедствий. При таком восприятии времени и событий в коллективном сознании формировалось особое отношение к ситуациям, воспринимаемым современным человеком как исключительные. Народная память соединяла в единые циклы регулярно происходившие в человеческой истории войны, голодоморы и эпидемии, воспринимая их как неизбежное и естественное развитие жизни. Судить о сохранении такого механизма народной памяти в предвоенное время позволяли многочисленные записи устных рассказов, сделанные фольклористами и этнографами в разных местах России и объединенные общей темой «знамения войн». Они относились к различным историческим периодам, соединяя в единые циклы Отечественную войну 1812 г., Первую мировую, Великую Отечественную и др., а также указывали возможные пути преодоления их последствий.

Однако, обратившись к имеющимся на сегодняшний день публикациям устных рассказов о знамениях войн, а также к их анализу исследователями (в том числе и предпринятому ранее мною) [2–7], я пришла к выводу, что накопленный материал до сих пор не получил достаточной трактовки, не был классифицирован, а большинство образов остались нераскодированными. Так, мною была сформулирована исследовательская задача: выявить основные дифференцирующие признаки народных образов – знамений войн, которые могут быть положены в основу будущей классификации, и приблизить исследователей к их дешифровке; предложить свои варианты возможного их декодирования, а также народных обрядовых практик, направленных на преодоления кризисных ситуа-

ций и их последствий. Источниковую базу исследования составили публикации устных народных рассказов о знамениях войны, осуществленные в разное время отечественными учеными, а также материалы, собранные в этнографических экспедициях в 1997–1998 гг. на территории Волгоградской области и хранящиеся в личном архиве автора.

Образы-знамения на небе

Иногда исследователи, анализируя знамения бедствий и войн, представленные в устных народных рассказах как знаки на небе (кометы, столбы, кресты, неизвестные звезды и пр.), называют их метеорологическими явлениями и, кроме того, объединяют в одну группу с так называемыми «природными» (связанными с флорой и фауной) [8]. Представляется, однако, что отнесение «явлений на небесах» к «метеорологическим» обнаруживает точку зрения современного человека, склонного описывать их с позиции метеорологии – науки о земной атмосфере, её строении, свойствах и происходящих в ней явлениях и процессах. Сами же рассказчики этот термин никогда не употребляли, отмечая, что виденные ими образы были «на небе» или «на небесах». Придерживаясь позиции, согласно которой составление квалификационных схем элементов культуры в фольклористике и этнографии должно опираться на народные представления об их важнейших свойствах (т.е. на народную типологию), я полагаю, что именно расположение образов-знамений в небесной (сакральной) или земной (профанной) сферах должно стать одним из таких признаков. Именно появление на небе любого образа или нового явления автоматически придавало ему статус особенного (сакрального). Вместе с тем это обстоятельство не исключает необходимости дешифровки конкретных образов с целью определения тех глубинных смыслов, которое вкладывало в них народное сознание.

Рассказы о знаках на небе, предвещающих войну, были записаны фольклористами и этнографами в разных регионах России: «Слышала, огненные шары летали перед войной. Это кометы» [8]; «Говорили кресты, столбы выходят на западе – явления» [9]. Образы-знамения Великой Отечественной войны соотносятся с теми, что были явлены и перед другими войнами: «Вот и перед ерманской так... Сначала кресты, а потом война»; «Накануне 1812 года на небе

сах России зажглась невиданная звезда. Она появлялась в долгие ночи и горела странной злоеющей точкой среди ровного сияния привычных светил» [8].

Встречается в рассказах и мотив «сражения» небесных столбов. Так, в рассказе, записанном нами в Волгоградской области, столбы «сходились и расходились»: *«Соседка прибегает к нам: “Подите, гляньте!” Мы вышли на баз – на север столбы выходили. Красные, несколько столбов огненные. И вот они вот так сойдутся и потом расходятся. Перед войной это было. И в первый год войны»* [9]. В материалах, собранных А.Ф. Балашовой, описывается также сон, в котором речь идет об увиденных во сне двух стрелах, сталкивающихся на небе близ Уральских гор: *«А мне снится сон: опять стрела, значить, с запада на восток. Стрела вот так прошла, и всё. Я проснулась – я говорю, а ты знаешь, война будет еще! Она: да ну! А война тут же вскорости с этой – с Японией же? Вот с Японией началась война... Да, с востока на запад. Стрела эта прошла, и всё, на этом кончилось. И так оно и было! Туда тоже тревога, она ж недолго-то была. Вот как. Ну, стрелой – я говорю, война опять будет. Я тогда видела, эти две стрелы сошлись вот так – так они столкнулись хоть вот тут, говорю, где Уральские горы, вот так смотрю. Сюда вот, посредине эти стрелы сошлись. А тут стрела прямо вот сошла, и всё. Вот такие сны были»* [8]. Исследовательница сопоставила стрелы с армиями, сравнив их с обозначениями стрелками на карте передвижения армий.

Нередко в народных рассказах о знамениях войны, явленных на небе, встречаются образы животных. Так, зарево могло трансформироваться в красную корову с длинным языком [8. С. 237], огненные столбы превращались в коней: *«Перед войной вдруг закричали, чтобы все выходили из домов на улицу. Все люди вышли из домов и увидели, что на небе поднялись два огненных столба, и они были в виде коней – как будто два огненных коня встали на дыбы, друг против друга. И вот этот старший старовер, а это было у нас, в Малой Бобровке, сказал: “Всем стоять и смотреть!”. Все стояли и смотрели <...>. И потом этот старший им сказал: “Будет война, сильно тяжёлая, трудная, но мы победим”»* [5. С. 28].

Сражающиеся птицы – ястребы и петухи – в рассказах имеют контрастную расцветку, позволяющую определять белых и красных в качестве «своих»: *«Известный донор выступала, старенькая женщина. Она накануне 22 июня увидела сон. Два ястреба сцепились: чёрный и белый. Чёрный – это неприятельская сила, а белый – наша. И чёрный упал»* [8. С. 237]; *«Я в Калмыкии работала, меня война застала. Там легенда такая была. Два петуха встретились. Один – красный, другой – черный. Дрались они, и вот красный победил черного. И все говорили, когда началась война, мы победим все равно»* [10].

Несмотря на трактовку цветов информантами, обусловленную современными (советского времени) реалиями, речь должна идти о весьма архаичной цветовой триаде, в которой черный цвет противопоставлен белому как ритуально чистому и ассоциируется с нарушением тра-

диции, грехом, а белый соотносится с чистотой и бестелесностью иномирья [11. С. 11]. Что касается красного цвета, то далее мы увидим его связь в народной традиции с понятием жизненной силы и ее избыточностью.

Исследователи уже пытались определить сложную символику животных (коня, петуха) в образах-знамениях, но указания на их одновременную связь с языческими богами и христианскими святыми, а также со смертью, преисподней и в то же время – с плодородием [5. С. 140] мало что объясняют. Соглашаясь с тем, что символика животных в народной культуре, действительно, всегда сложносоставная, часто с признаками амбивалентности, выскажу все же мысль, что плодотворной может оказаться в данных текстах трактовка животных образов в связи с юношеской мужской традицией (петух) и воинской всаднической (конь). Не случайно изначальная символика этих образов дополняется мотивами противостояния и борьбы. Вместе с тем не менее значимым оказывается и то обстоятельство, что образы земных животных появляются на небесах, что дает основание для предположения их связи также с иным миром.

Образы являющихся на небе всадников также уже анализировались разными исследователями. Они соотносили их с христианскими святыми (Георгием Победоносцем) и с всадниками Апокалипсиса, отмечая, что в народной среде всадники воспринимались также как символы чумы, смерти, голода и войны. Что касается образа огненной коровы, то он отсылает к рассказу о явлении человеку коровы, относящемуся к 1917 г., и указывает на связь с «коровьей смертью» – символическим воплощением мора [3. С. 195–196].

Каналы связи между мирами

В архаичной картине мира восточнославянских народов пространство представляет собой трехчастную структуру, в которой связь между разными сферами осуществляется по специальным каналам, к числу которых традиция относит, например, реки, колодцы, печи, различные хозяйственные строения (бани, овины и пр.). В определенных ситуациях эти каналы связи могли использоваться для получения информации от потусторонних сил (например, в гаданиях). Однако если происходило нарушение каких-то предписанных традицией норм такого общения, оно могло закончиться с негативными последствиями для того, кто пытался осуществить «контакт».

Ряд народных примет войны может быть трактован именно как изменения обычного состояния каналов связи миров (земного и небесного; «того света» и этого). Так, в устных рассказах встречаются упоминания о колодцах – пересохших, затянутых паутиной, или «не принимающих» (выталкивающих) ведра накануне войны. Иногда, наоборот, наблюдалась чрезмерная «активность» каналов связи между мирами: ведра часто тонули в колодцах; «ручей, текущий посреди деревни, в каждом доме уносил по покойнику» [12. С. 16].

В рассказах о знамениях войны часто встречаются образы, которые сами рассказчики трактуют как по-

добие радуги («как радуга»). Обычно они описываются их как разноцветные столбы, выходящие из земли и доходящие до небес: «*Перед войной столбы выходили на небе: красный, белый, желтый – ночью было, как радуга*» [13]; «*Мне было 10 лет, когда я видела столбы перед войной. Мать говорила, что будет несчастье, потому что вышли столбы. Первый раз на востоке, второй раз на западе. Они были разного цвета, как радуга. Было их много. Красный цвет – к крови, синий – к печали*» [14].

Попытка трактовать радугу в христианском смысле – как знак милости свыше и оказания в ближайшем будущем Божьей помощи, предпринятая А.Ф. Балашовой, на мой взгляд, не согласуются ни с вышеприведенными текстами (в которых сами информанты определяют ее как знак грядущей войны), ни с рассказом, приведенном самой исследовательницей (события в котором относятся уже к военному времени): «*Опять сон, как будто уже с вот этой стороны, с запада, два столба, и знаете, какие два столба? Как радуга бывает, радуга, а это тоже как радуга, только другая. Два столба вот так, и до самой вот до горизонта. А мы одноклассники как будто вышли у нас во дворе, и с одного столба и течет кровь. Я вот как ногой вот и размазывает. А у меня спрашивают: что это такое? А я им говорю, это мужская чаша наполнена кровью. А вот когда наполнится кровью вторая чаша, тогда как будто будет конец этой самой какой-то бойне. Вот что. Вот эти сны я видела*» [8].

По всей видимости, для понимания сути знамений в виде радуги также необходимо обратиться к древней народной традиции, в которой она обладает качеством соединения двух миров. Так, согласно славянским поверьям, радуга могла вытягивать из рек воду, а также лягушек и рыб, которые потом падали с неба на землю [15]. Радуга могла быть опасной и для людей: у русских бытовало поверье, что она может затянуть в облака маленьких детей. Согласно украинским поверьям, человек, постоявший в том месте, куда опиралась одним концом радуга, приобретал статус «двоедушника» или «двуснастного» (поочередно обладающего признаками обоих полов). Радуга называлась на Украине также «висялицей» и воспринималась как явление, связывающее земной и небесный миры [16. С. 258]. Способность радуги соединять миры соотносилась также с признаком размыкания границ между ними, что могло нести угрозу миру земному. Именно «посредничество» между мирами и способность изменять как местоположение предметов или человека (с земли на небо и обратно), так и сущностные их качества, обусловили особый статус радуги в народных поверьях и ее роль в предзнаменовании бед. Интересен в связи с этим рассказ, записанный в Могилевской области, в котором речь идет о перемещении с земли на небо человеческого воинства. Там накануне войны подростки видели при заходе солнца «как бы поднимающиеся от земли образы солдат с ружьями за плечами, которые уходили на небо» [5. С. 141].

Таким образом, нарушения в функционировании каналов связи между мирами могли быть как со знаком «плюс» (чрезмерность этих контактов и их результата),

так и со знаком «минус» (затрудненность контакта). Но если нарушались нормальные взаимоотношения (и взаимобомен) между мирами за счет изменений, происшедших с каналами связи, то с неизбежностью должны были происходить изменения (отклонения от нормы) и в самих мирах – и земном, и небесном.

Нарушения нормы на земле

Наиболее распространенными в рассказах о знамениях оказываются указания на отклонения от некоей нормы, происходившие в земной сфере и связанные с понятиями чрезмерности, избытка. Так повсеместно в России записывались рассказы о том, что накануне войн наблюдалось изобилие хлебов (необыкновенный урожай), грибов, ягод, огурцов; в лесах и полях с огромной чрезмерностью плодились животные: «*Перед войной столько гадюков в степях ужасно много было. И так и сказали – что-нибудь будет плохое*» [10]; «*А урожай-то был... Ой-ей-ей. Особенно грибов было видимо-невидимо. Так и сейчас... Стало быть, не избежать нам новой войны*»; «*Лето 1941 года было исключительно урожайным. Удались озимые и яровые, трава стояла по грудь. Но тревога в народе уже жила, войну предсказывали, видя всполохи северного сияния. Двадцатого июня Андрей принёс около 360 штук белых грибов. Когда мать увидела их, всплеснула руками, воскликнула: «К войне!»; «О том, что война придет, чувствовалось, об этом все говорили. Признаки природы. Было огромное количество белок, зверьков. На каждом суку яблони, прямо под ногами. Говорили: «Это к войне»*» [8]. Признаком избыточности обладали и сросшиеся «(двойные)» овощи, яйца с двумя желтками, которые появлялись в большом количестве накануне войны [7. С. 18].

Приведенные выше рассказы отсылают к важнейшему в русской народной традиции концепту «доли», которая понималась широко: как блага, энергия, жизненная сила и в то же время – судьба, и подлежала постоянному переделу в обрядах календарного года и жизненного цикла человека. А.А. Потебня указывал на связь доли и судьбы в восточнославянской традиции с Богом. Именно Бог распределяет имеющееся «на свете определенное количество счастья и несчастья, болезни, добра и зла, и нет убытка ни в чем. Если один заболевает, то, значит, к нему перешла болезнь, оставивши или уморивши другого». Если кому-то посчастливилось, то, значит, у кого-то счастья убавилось («Бог не гуляет, а добро перемеряет»). Доля, таким образом, предстает как часть целого, отмеряемого Богом каждому отдельному человеку или группе людей [17. С. 188–211]. В связи с этими представлениями переизбыток в одной сфере должен был с неизбежностью вызвать оскудение в другой. В таком случае избыток в мире природы мог трактоваться как ожидаемый убыток в мире людей.

Вместе с тем нарушение нормы в сторону изобилия, могло происходить и в мире людей. Так, по народным представлениям, свидетельствовать о грядущей войне могло рождение больше обычного мальчиков: «*Это я слышала, что перед войной, говорят,*

много мальчиков рождается. Да одни мальчики рождаются – это значит, будет война»; «Люди кричат: "Война!", а мы в роддоме детей рожаем. И что я запомнила – мальчиков все рожали» [8]. Приметами войны могли стать и отклоняющиеся от нормы образцы поведения людей с выбросом энергии: слишком много плясали, дрались [8. С. 234]. Подобные приметы мы записывали и у донских казаков. Так, по мнению нашего информанта, причиной революции и Гражданской войны начала XX в. стало то, что казаки без меры, в неурочное время и с чрезмерным озлоблением дрались в кулачных боях: *«Сильно дрались. До смерти... Дрались – накликали войну» [18].*

Персонажи «того» света на этом и варианты нарушения нормы

Примерами очевидного нарушения границ между мирами (земным и небесным, «того» света и этого, домом и дикой природой) могут служить ситуации, когда людям являлись некие персонажи, наделенные особыми знаками и функциями. Применительно к теме знамений Великой Отечественной войны в этих случаях в народных рассказах речь идет обычно о встречах на дороге. В народной традиции дорога – особое пространство, противопоставленное дому, культуре и связанное с иномирьем. Сакральный статус имели в народной традиции и путник, и первый встреченный в пути, воспринимавшиеся в качестве персонификации потусторонних сил и вестников. В рассказах, объединенных мотивом «встреча на дороге» и связанных с Великой Отечественной войной, обычно в качестве вестников фигурируют женщина или волк. На их потустороннее происхождение указывает ряд признаков; являются путнику голыми (без одежды/без шерсти), волк наделен даром речи, и женщина и волк пророчествуют; но самое главное – в качестве потусторонних сил их нередко представляют сами рассказчики («Это ж смерть ходила. Саван себе искала»).

Исследователи уже предлагали свои трактовки сюжетов с мотивом «встреча на дороге», однако не обращали внимания на то, что практически все их варианты связаны с понятием нормы, соотносимой в свою очередь с «долей», а также отклонениями от нее. Именно поэтому я считаю необходимым объединить все эти сюжеты в одну группу, чтобы уже далее разделить и выявить признаки, различающие их сущностно, а не поверхностно, когда выделяются два разных сюжета (встреча с женщиной и встреча с волком) – без определения того, что их связывает и различает [6. С. 205, 209–211].

Встреча с голым волком – красная ткань.

Рассказы о встрече людей с голым волком, записанные в Брянской области в 1945 г., впервые были опубликованы О.В. Беловой [6. С. 209–211]. На первый взгляд они представляют собой примеры нарушения взаимоотношений между людьми и дикой природой, в результате которых произошло отступление от нормы в сторону оскудения последней. Только в одном из рассказов волк предстает действительно «голым» («совсем раздетый, одна кожа без шубы»),

но при этом во всех случаях он просит встреченных женщин принести ему красный платок или ткань. Когда красный платок или кусок кумача женщины бросают на волка, он начинает «пророчествовать», предсказывая, сколько еще времени продлится война. Предсказания волка представлены двумя вариантами:

1. *«Если он попал кумач мне на голову, то войне и конца не было бы, если бы на спину, то еще несколько месяцев, а ты на хвост кумач бросила, так что теперь днями война и закончится».*

2. *«Вот если бы этот платок упал на землю, то еще война продлилась бы четыре года, а так продлится еще несколько месяцев» [19. С. 210].*

Если в первом случае представлено своего рода гадание с помощью платка (на какую честь тела волка упадет), то во втором значим сам факт попадания ткани на волка как гарант благоприятного предсказания. Впрочем, и в первом случае гадание и предсказание были бы невозможны без выполнения просьбы волка – купить и бросить на него кусок красной ткани. Н. Петров, выделяя мотив обретения одежды (в вариантах – обуви) в ряде сюжетов, связанных с предсказаниями, считает, что «одежда нужна для того, чтобы увидеть будущее» [3. С. 196]. Действительно, в одном из приведенных им рассказов корова предлагает мужику надеть платок, после чего начинает видеть символы будущего. Однако когда мужик набрасывает платок на корову (символизирующую «коровью смерть»), она исчезает.

Складывается впечатление, что у платка (ткани) в данных ситуациях двоякая функция: быть своеобразной платой за предсказание и быть для человека средством «преодоления» войны. О механизме гаданий в народной традиции, как ритуальном способе определения доли человека на следующем этапе его жизни с помощью потусторонних сил, писал А.К. Байбурун [20. С. 125–126]. Он отмечал, что гадающий узнает свою долю в обмен на ту долю, которую сам выделяет этим силам. Такое понимание гаданий позволяет сделать вывод, что волк в этой ситуации был представителем не просто дикой природы, а именно потусторонних сил, а также участником символического обмена. Отмечу, что в календарной обрядности славянских народов волк также связан с покойниками, приходящими к людям за своей долей.

Вообще сюжеты с волком и его предсказаниями сроков окончания войны могут быть разъяснены только через выявление семантики этого образа в славянской народной традиции. А она, определяя многие качества волка (в том числе его связь с потусторонним пространством), в первую очередь отсылает к состоянию избыточности: энергии, жизненной силы, ярости и пр. Это качество объясняет и характерное для многих традиций соотношение волков с молодыми воинами, а отсюда – и появление среди людей именно волка в разгар войны. Избыточность же волка реализовывалась в предметах, растениях и состояниях, опасных для человека. Так, в русской народной традиции «волком» называли «сверхсчетный зуб, который вырастал иногда у человека и животных не на месте (например, посреди неба), мешая приему пищи, а также род злой накожной

болезни, похожей на рак» [21. С. 232]. Термин «волчец» использовался русскими для обозначения множества сорных, колючих, иногда ядовитых, растений – «диких» и «злых» – во всех отношениях избыточных (хотя в определенных обстоятельствах – полезных, защищающими от нечистой силы).

Если же говорить о характере взаимоотношений людей и волков, то в славянских поверьях, а также в календарной обрядности фиксируется два периода времени, когда последние появлялись в домашней зоне: зимнее и летнее солнцестояние. Оба отрезка времени считались периодами активности этих хищников. В период длинных ночей (святочное время) осуществлялись обряды кормления волков, приходящих, видимо, за причитающейся им долей. У славян бытовали также поверья о том, что волки (*волкодлаки*) поедали светила (солнце и луну) или нападали на солнце зимой [22. С. 16]. В период летнего солнцестояния волк связывался в народной традиции с наивысшей активностью солнца, его избыточным и губительным жаром, который грозил пожарами на нивах и появлением болезни, называемой *хлебной ржавчиной* [23. С. 7].

А.А. Потебня отмечал, что слова «ржавчина» (пол. *Rdza*, серб. *Ppa*), «рдеть», «рудой» и «рыжий» – однокоренные и связаны с идеей света, красноватого цвета и огня [24. С. 17]. Обратим также внимание на еще одно название этой болезни хлебов – *спорынья*, происходящее от древне-русского *спорын*, означающего изобилие, избыток. Примесь частичек спорыньи в муке или корме могла вызвать тяжелую болезнь (эрготизм), называемую в народе *ведьмины корчи* или *антонов огонь*. Вместе с тем спорынья могла вызвать у людей, находящихся в поле зараженной ржи, галлюцинации (ср.: способность волка к пророчеству), а также приводила к вспышкам агрессии (бунтам, восстаниям и пр.). Наконец, даже простой избыток солнечного жара, согласно народным поверьям, вызывал болезни не только хлебов, но и людей; самая страшная из которых – чума – обычно совпадала с засухой [23. С. 17–18].

В поисках аналогий образу волка, просящего красную ткань, я обратилась к записанной у донских казаков легенде о Красной деве – персонификации холеры и смерти, выступающей в то же время как вестник беды. Она появлялась летом високосного года (также обладающего качеством избыточности) «в красном сарафане, красном платке, красных башмаках и чулках; на плече у нее была коса, а под мышкою сноп пшеницы». По народным представлениям, Красная дева «была не что иное, как болезнь – холера, посланная от Бога губить людей за грехи». Про косу и пшеницу в народе говорили: «косу она несла, чтобы подкашивать людей, а снопом давала понять, что будет сильный урожай хлеба, да некому будет прибирать его» [23]. Красная дева, как видно, также символизировала наполненность до избыточности, сверх нормы некоей силой, которая должна была воплотиться в обильном урожае и смерти людей от болезни. Значимо в этом рассказе и наличие у Красной девы косы. В народной традиции существовал запрет на использо-

вание женщиной косы при уборке хлебов и трав, а также вера в то, что нарушение этого запрета приведет к смерти ее близких. Показательно и то, что в годы Великой Отечественной войны, несмотря на нехватку мужчин, женщины в сельской местности часто отказывались от косыбы, мотивируя это возможной гибелью находящихся на фронте мужей [7. С. 20].

Мифологический рассказ о Красной деве не только позволяет еще раз проявить дихотомию «избыток хлебов – убыток людей», но и разъяснить требования волка из вышеописанных сюжетов именно красной ткани и одежды как символа насыщенности и избыточности – качеств, которыми он должен был обладать в летнее время, но по какой-то причине оказался лишенным их (стал голым). Для скорого окончания войны волку (как символу воинства) необходима была эта избыточная энергия.

Обратим внимание также на то, что для получения благоприятного предсказания о времени окончания войны женщинам пришлось поделиться с волком: отдать ему красный платок или ткань, т.е. выделить долю. Причем, в двух рассказах речь идет о том, что женщинам было жалко отдавать волку ткань: «...пришла она на базар, купила все что нужно, да красного материала купила, но жалко ей отдавать его волку-то, самой на кофточку пригодится, и решила она идти по другой дороге домой, чтобы с волком не повстречаться» [6. С. 210].

Вспомним также, что в сюжете о корове ее исчезновение произошло после того, как на нее был брошен красный платок. Получивший свою долю волк также оставлял границы человеческого (культурного) пространства, тем самым восстанавливая произошедшее нарушение норм и границ.

Этот мотив получает развитие в рассказе о женщине в красной одежде, записанном в Восточной Сибири. В этом рассказе имеется прямое указание на то, как люди могут исправить возможное негативное развитие ситуации за счет проведения специального обряда. Речь идет о появлении рядом с хлебным полем плачущей «женщины в красном». Это явление было истолковано стариками как предзнаменование страшной болезни, которая, действительно, вскоре пришла в деревню и погубила множество людей. Обрядовые же действия были следующими: «Тогда-то вот и сжигали чучело. За одни сутки надо было коноплю распустить, спрядать, соткать, сшить одежду, надеть на чучело и сжечь его. Только тогда болезнь пропадала» [26. С. 292].

В этом обряде можно выделить три основных этапа: коллективное изготовление одежды в течение суток; изготовление чучела и обряжение его в эту одежду; сжигание чучела. Первый этап обрядового действия связан с широко распространенной у восточных славян традицией в случаях бедствий сооружать в один день (*обыденкой*) храмы, выпекать хлеба или создавать полотенца (полотна), которые назывались *обыденными*. По мнению Т.А. Бернштам, обычай изготовления в один день ткани (*новины*) воссоздавал первичный миф – праформу творения, а значение слова «новина» восходит к мифологическому представ-

лению о сотворении нового – молодого – взамен старого, как попытка дать новую жизнь явлению отмирающему или зараженному недугом, опасностью и т.п. [27. С. 163]. Отмечу также, что все действия по изготовлению новины производились коллективно, когда каждый участник обряда вносил свою долю труда в общее дело (в общую долю). В самые ответственные моменты земледельческого календаря в русских деревнях устраивались также коллективные пиры (*братчины, ссытки*), на которых в складчину и общими усилиями готовили какое-то блюдо, символизировавшее общую долю, например варили мед (*медовуху*) или выпекали многопудовые хлеба. Их совместное изготовление и употребление в пищу также символизировало обновление общей доли и новое ее перераспределение.

Эта идея оказывалась реализованной и в годы Великой Отечественной войны. Так, в Брянской области и на юге Калужской были распространены обрядовые практики совместного выпекания хлебов и передачи их по цепочке от деревни к деревне с молениями и верой в то, что когда хлеба достигнут линии фронта, враг будет разбит [6; 28. С. 5]. В этих обрядах также очевидна символика коллективного обновления доли и передачи ее советским воинам для обеспечения победы – как обновлялась и сила-энергия связанного с воинством волка за счет передачи ему красной ткани.

Чтобы лучше понять смысл действий, связанных с изготовлением чучела и обряжением его в новую одежду, а также манипуляции с красной тканью в рассказах о встрече с волком, вернемся к сделанному выше выводу. Персонажи, связанные с понятием «избытка жизненной силы», были сопряжены с потусторонним миром. В календарной обрядности восточных славян они появлялись неоднократно в течение года и персонифицировали силу, неистраченную до конца при жизни. В народной традиции их называли «заложные покойники» (умершие «не своей» смертью, до срока), и они «приходили» в определенные дни календарного года для того, чтобы воплотить неистраченный остаток своей доли в новый урожай, приплод скота или в рождение детей. С этой целью совершались обряды, связанные с изготовлением чучел (например, Костромы у русских, Фомы у донских казаков, шуляки у украинцев и пр.) [29, 30, 31. С. 100–114] и обряжением их в одежду (штаны, платки и пр.), символизировавшие их материализацию (ср. отмеченное Т.А. Бернштам народное понимание ткачества как материализацию «предметных сущностей» [27. С. 161]) и включение их воплощенной таким образом доли-силы в новый общий передел для исправления ситуации «перебора». Последующее сжигание (или потопление) чучела символизировало отправку умершего обратно в мир иной, что означало также восстановление нарушенного порядка.

Таким образом, вестники в красном символизировали нарушение некоей нормы, имевшей отношение к жизненной энергии, силе, понимаемой в восточнославянской народной традиции как доля (т.е. часть общего). Красная дева была, по сути, персонификацией избытка жара/энергии, а волк являл собой пример

обратного нарушения нормы: будучи по каким-то причинам лишенным признака избыточности, он приходил к людям голым и просил исправить ситуацию за счет набрасывания на него красной ткани. Обряжение волка в красный платок символизировало восстановление его энергии с последующим уходом из домашней зоны. В данной ситуации наделение волка красной тканью символизировало и усиление силы-энергии советских воинов (что соотносится и с передачей им по цепочке совместно выпеченных хлебов).

Встреча с голой женщиной – белая ткань.

Персонажам, предсказывающим войну и являющимся путнику в красных одеяниях или просящим купить им красный платок, могут быть противопоставлены те, которые также предстают в образах оскудения (признаками которого являются нагота, оборванность, старость), но при этом просят купить им белую ткань (иногда сами предстают в белых одеждах). Применительно к предвоенному времени чаще всего главными героями рассказов с таким сюжетом являются шофер (персонаж, обладающий признаками исключительности в условиях крестьянского предвоенного быта, а также маргинальности, как связанный с необжитым пространством дороги) и женщина. Н. Петров рассмотрел эти сюжеты как составную часть широкого круга славянских и европейских эсхатологических рассказов, в которых путнику встречается некий персонаж (молодая женщина, старуха, старик и пр.) и обращается с просьбой (купить одежду или обувь, перевезти на другой берег реки и пр.), после чего показывает знаки будущего: кровь, мясо, поле с урожаем и пр. В русском варианте вестник также предсказывает, будет ли война и другие бедствия [3. С. 189].

Проанализировав значительное количество русских текстов, относящихся к XX и XIX вв., исследователь пришел к выводу, что устные рассказы советского времени содержат мотивы, характерные для дореволюционной народной прозы. Генетически эти мотивы связаны с популярными в славянском мире (и уже упомянутыми нами выше) сюжетами о чуме, холере или коровьей смерти в образе женщины, которая приходит в селение и несет с собой смерть. Актуализация этих сюжетов народной памятью в советское время происходила в связи с кризисными ситуациями (Гражданская война, голод, Великая Отечественная война). Однако если Н. Петров в первую очередь был озадачен выявлением первичного ядра этих рассказов и обоснованием мысли о генетическом родстве рассказов предвоенного советского времени с более ранними, то меня в большей степени интересует процесс трансформации этих сюжетов именно в советское время и поиск ответа на вопрос: какие именно мотивы в этих рассказах (представленных разными вариантами) оказались актуализированными и почему.

В тех рассказах, где речь идет о грядущей войне, чаще всего шоферу встречается на дороге женщина. Нередко имеются указания на скудость одеяния явившихся путнику женщин или даже полное его отсутствие («в одних рейтузах», «в костюме Евы», «голая»). Нагота женщины (которая могла символизировать оскудение

как женского мира, так и сакральной сферы) сочетается с символами избытка в материальной сфере: «И вот одна женщина рассказывает такую быль, небылицу. Милые мои, дорога узкая полевая, рожь высокая-высокая стеной стоит. Машина ехала. Машин тогда было мало. И вдруг колёса крутятся, машина стоит. Выходит женщина в костюме Евы.

– Откуда выходит?

– Из ржи, из посевов. И обращается к этим, кто был в машине.

– А там много было в машине человек?

– А бог знает! Трудно сказать. Машин мало ведь до войны было. В нашем колхозе была одна машина. Так вот. И держит три колоса: колос ржи, колос пшеницы и колос ячменя. Тучные колосья. Зёрна налитые. И говорит: «Не спеши! Вот видишь, какой урожай. А убирать некому будет. Некогда будет. Будет война» [3. С. 191].

Практически во всех рассказах, объединенных мотивом встречи с женщиной, происходила передача (односторонняя или взаимная) неких предметов (чаще – одежды или ткани), т.е. осуществлялся символический обмен, характер которого влиял на предсказание. Вместе с тем уже само предсказание могло даваться в обмен за услугу (покупку ткани или согласие подвезти). Можно выделить несколько видов такого символического обмена:

1. Вестник просит подвезти его на машине, за выполненную просьбу передает шоферу набор предметов, по которым предсказывается будущее (в том числе – война).

Пример: «Ехал шофер, а по дороге старушка, просит: “Подвезите”. Вот едут, а она ему узелок дает. Он развернул, а там хлеб, ножик и мыло. А старушка уже исчезла. Шофер приехал домой, спрашивает у старых людей: “Что это значит?”. А ему говорят: “Хлеб – это к урожаю (в 41 году большой урожай был), а нож – это к войне, а мыльцо – это хрен тебе в лицо”» [32].

2. Голая женщина зимой останавливает машину и просит шофера привезти ей одежду. Привезенный узел с одеждой она оставляет шоферу, предсказывая, что войны не будет, но люди будут умирать от других причин.

Этот сюжет приводит Н. Петров со ссылкой на полевые материалы И.Г. Бурцева и И.В. Пешехонова [3. С. 193]. Здесь стоит вспомнить о бытовавшем в народе запрете брать что-то от покойников (например, уносить с кладбища). По народным представлениям, нарушение этого запрета влекло за собой смерть нарушителя.

3. Вестник просит купить ему одежду или ткань. Главный герой выполняет просьбу. Вестник разрывает ткань пополам и обещает, что войны в ближайшее время не будет.

Пример: «Они взяли столько-то метров товара, сколько приказано, ну, примерно, десять метров, <...> теперь он поехал. Ехал, ехал, и на том же месте машина встала. Когда машина встала, стоит, маленько погодя выходит женщина, та же сама. (А эти ему наказали спросить, будет или нет война). <...> Тепереч:

– Че, купили товару?

– Купил.

Она разрывает пополам.

– Это тебе, а это мне...

– Вы заказывали, я вам взял.

– Нет, нельзя так. – Пополам разорвала. – Это твое, это мое.

– Вот вы мне скажите, скоро ли у нас начнется война.

Она говорит:

– Нет, война скоро не будет. Даже совсем может не быть войны...» [26. С. 291].

Обратим внимание в этом сюжете на то, что именно разрыв ткани на две равных части (выделение равных долей и для людей, и для высших сил) символизирует сохранение на какое-то время состояния мира без войны.

4. Вестник просит купить ему одежду или ткань. Главный герой выполняет просьбу. Вестник забирает ткань и говорит, что войны не будет.

Пример: «Слух пустил кто-то... Будто один шофер ехал, вдруг машина резко остановилась, он видит: женщина идет. Одета во все белое. Подошла и просит его купить белого материала, с полметра.

– А как купишь, сюда же приезжай. Потом рассчитаемся.

Он съездил, купил. Думал, уже не встретит ее. А как проезжать стал то место, машина опять остановилась. Спрашивает его:

– Купил? – он отдал материал. – Что хочешь теперь проси, все исполню.

Он перетрусил, не знает, что просить. Потом сказал первое, что пришло в голову:

– Война будет?

Она отвечает:

– Войны не будет <...>» [26. С. 291–292].

Этот сюжет дает возможность объяснить благоприятное пророчество тем, что шофер удовлетворил просьбу женщины-вестника. Тем более, что в нижеприведенном рассказе ситуация будет обратной.

5. Вестник просит купить ему одежду или ткань. Главный герой не выполняет эту просьбу или выполняет с нарушением. Вестник предсказывает войну.

Пример: «Это было в 1940 г. (перед войной). Ехал шофер, подъезжает к мосту. Машина ни с места, никак нейдет. Выходит женщина из-под моста, раздетая в одних рейтузах, и говорит на его. – Купи мне, – говорить, – платье. – Я, – говорить, – не могу. Как же я тебе могу купить платье? Она на него говорит: – Купи мне платье, а то все равно не поедешь мимо моих рук. Он ей не поверил. Поехал обратно. Ну подъезжает к мосту. Обратно его машина остановилась. Бился, бился, ничего не сделал. Обратно выходит эта женщина и говорит: – Ну, купил мне платье или нет? А он ей отвечает: – Нет, – говорить, – я не купил. – Ну вот, – говорить, – разожди мне одну руку и другую. Он разжимает ей руку. В одной руке колос – хлеб, в другой руке мясо, и говорит: – Вот что у нас будет. Вот мясо, будет сильное кровопролитие, а в этой руке колос – будет хлеба у нас много, но некому будет есть. Это в Бе-

жице было. Милиционера приводили, не идет машина. Говорят, что этот шофер боялся идти на войну: "Зачем я не купил ей платье?"» [19. С. 13].

В фильме В. Шукшина «Жил такой парень» воспроизводится рассказ, в котором шофер, получив от встреченной в пути голой женщины деньги на покупку «белой материи на платье», пропил их, но ткань все же купил. Рассказчица дает пояснение, что женщина – это Смерть, которая искала себе саван. Встречу с ней трактовали как предзнаменование скорой войны.

Как видим, обещание войны связывается непосредственно с невыполненной просьбой оскудевшей (обносившейся) женщины, а также с присвоением шофером чужого (пропиты деньги – как символ чужой, не своей доли).

6. Наконец, имеются рассказы, в которых женщина на дороге определяется как Божья Мать. Иногда как знак грядущей войны трактовался сам факт объявления ее перед людьми в обнаженном виде или плачущей: «Он был шофером. И вот его послали в Нижний Дон. Он поехал. Едет, за Урюпино уже выехал, и вот тебе идет женщина вся наголо, Божья мать. Машина встала. Он говорит: "Я не останавливал, ничего, а машина встала..."». Ждали после этого войну» [9].

Герою рассказа В. Шукшина «На кладбище» старушка рассказывает о том, как молодому солдату явилась на погосте женщина, оплакивавшая молодое поколение; она представилась ему земной Божьей Матерью. Как вполне земная женщина, она оплакивала тех, кому предстояло погибнуть [33. С. 778]. Явления плачущей Богородицы фиксировались в разных регионах страны и в период «культурной революции» и массового разрушения церквей. Так, в кубанской станице в разоренном храме слышался рыдающий голос, который восклицал: «Боже мой, Боже мой, что вы наделали!». Жители станицы были уверены, «что это было видением Божьей матери» [34. С. 374–375].

Образ плачущей Божьей Матери также трактуется как призыв к покаянию за грехи: «Божа мати молиция: плаче, тож роскажіть всім своїм силянам, щоб покалялись і молились, що господь ізбавив їх од виликої напасти» [35. С. 81].

Иногда в устных рассказах нагота женщины прямо объясняется отлучением людей от Бога и их служением «другим» силам. В рассказе, записанном в Брянской области, шофер встретил на мосту женщину, которая сама разъяснила причину своей наготы: «Вбегает женщина, совершенно наголо, останавливает машину и подает ему ведро крови и кусок сырого мя-

са. Шофер спрашивает: – Что это значит, почему ты голая? Она отвечает: – На кого ты сейчас служишь, отнял у нас все. – А ведро крови, это что значит? – А вот кому ты сейчас служишь, так льется сейчас кровь через него» [6. С. 206].

Прямое указание на силу, противостоящую Богу и призванную в мир в советское время самими людьми, содержится в записанных мною в 1986 г. словах донской казачки: «Христос заклал Сатану на тысячу лет. А энти – большевики-коммуныки – зачали петь "Вставай, проклятьем заклейменный..."». Вот он и встал! И стал править нами...» По мнению этой женщины, в ближайшее время нужно было ожидать великих бедствий и смерти большого количества людей [36].

Таким образом, в советское время в сознании людей, переживших период борьбы с религией и массовое отлучение от церкви и веры, формировалось новое понимание причин грядущей войны. Не только естественным чередованием периодов благополучия и кризисов объясняется неизбежность войны, а также оскудением сакральной сферы жизни, началом служения «иным силам»; возможность же преодоления беды обуславливается обращением к Богу и покаянием.

В заключение резюмирую, что подтвердив значимость народных представлений о цикличности времени и цикличном воспроизводстве коллективной памяти для преодоления кризисных ситуаций, можно прийти к выводу, что ключевым в этом процессе (а также в процессе декодирования образов – знамений войны) оказывается понятие доли (общей доли-судьбы), которая, по народным представлениям, в кризисной ситуации должна подвергаться обновлению и новому переделу. Концепт «доли» (и отклонений от нее) необходимо учитывать и при разработке будущих типологий сюжетов о знамениях войн, используя его в качестве основного дифференцирующего признака, наряду с таким признаком, как расположение в одной из сфер – земной или небесной (или соотношение с каналами связи между ними). Состояние мира определяется в народных верованиях постоянным взаимодействием между этими сферами, а нарушения гармонии понимаются либо как результат естественного развития (старения, ветшания), либо как следствие грехов человеческих перед Богом. Христианские мотивы с особой силой актуализировались среди части советских людей в предвоенное и военное время и были связаны с масштабными разрушениями, происходившими в религиозной сфере жизни страны и народным осмыслением их последствий.

Список источников

1. Рыблова М.А. Практики преодоления войны мирными жителями послевоенного Сталинграда // Татьяна Павловна Хлынина in memoriam. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2017. С. 530–548.
2. Рыблова М.А. Великая Отечественная война в народной памяти донских казаков // Россияне и немцы в эпоху катастроф: память о войне и преодоление прошлого. Материалы конференции российских и немецких историков. Волгоград, 7–10 сентября 2012. Волгоград, 2012. С. 135–145.
3. Петров Н. Как баба в белом войну предсказала: эсхатологические настроения в СССР // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве / сост. А. Архипова. М. : РГГУ, 2013. С. 188–199.
4. Балашова А.Ф. Коммуникативная природа народных рассказов на примере текстов о Великой Отечественной войне в небесных знамениях // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 233–240.
5. Фурсова Е.Ф. Чудесные видения/знамения накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 128–131.

6. Белова О.В. Рассказы о знаменьях войны из Брянской области: к вопросу о типологии // Материалы II международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (Брянск, 28–30 ноября 2013 г.) / ред. С.И. Михальченко, А.А. Чубур. Брянск, 2013. С. 203–211.
7. Добровольская В.Е. «Все знали, что война будет...» // Живая старина. 2010. № 2. С. 18–21.
8. Балашова А.Ф. Природные и метеорологические приметы войны // Фольклор и постфольклор. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/folklore-https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.html>
9. Полевые записи (далее – ПЗ) 1997 г. в ст-це Тепикийской Урюпинского р-на Волгоградской обл. Информ. М.П. Усачева, 1921 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
10. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикийской. Информант Е.Ф. Арбузова, 1920 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
11. Швед И.А. Семантика и символика черного цвета в мифологии белорусов // Живая старина. 2011. № 3. С. 11–13.
12. Знаменья войны / публ. В.В. Запорожец // Живая старина. 2005. № 2. С. 16–18.
13. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикийской Информант П.В. Кондрашова, 1929 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
14. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикийской. Информант Е.Г. Великанова, 1930 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
15. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 528 с.
16. Кельсиев В. Галичина и Молдавия. Путевые письма. СПб.: Типография В. Головина, 1868. 351 с.
17. Потебня А.А. О Доле и сродных с нею существах // Труды Московского археологического общества. М., 1867. С. 188–211.
18. ПЗ 1997 г. в ст-це Тепикийской. Информант Кривова Р.Ф., 1912 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
19. Фольклорные записи 1945 года из Брянской области / публ. и ком. О.В. Беловой // Живая старина. 2005. № 3. С. 13–17.
20. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 239 с.
21. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 723 с.
22. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
23. Шеппинг Д.О. Значение некоторых зверей, птиц и других животных по суевериям русского народа // Филологические записки. 1895. Вып. 3/4. С. 1–36.
24. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре / сост., подгот., текстов, вст. ст. и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Лабиринт, 2000. 184 с.
25. Шкрылев Г. Кое что о народном суеверии // Донские областные ведомости. 1876. № 66.
26. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с.
27. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 277 с.
28. Бессонов И.А. Традиция передачи «святого хлеба» и «пирога счастья» в XX–XXI вв. // Живая старина. 2011. № 3. С. 5–8.
29. Бернштам Т.А. Весенне-летние ритуалы у восточных славян: масленица и «похороны Костромы-Коструба» // Этнографическая наука и этнокультурные процессы: Способы взаимодействия. СПб.: МАЭ, 1993. С. 45–65.
30. Венгренковский С. Языческий обычай в Брацлавщине «гоняты шуляка» (Этнографический этюд) // Киевская старина. 1895. Т. I. С. 282–323.
31. Рыблова М.А. Календарные праздники донских казаков. 2-е изд., испр. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. 168 с.
32. ПЗ 1998 г. в ст-це Котовской Урюпинского района Волгоградской области. Инф. В.А. Коротов, 1960 г.р. // Личный архив М.А. Рыбловой.
33. Шукшин В. До третьих петухов. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. 800 с.
34. Крестная ноша / Сост. В. Сидоров // Трагедия казачества: сб. / ред.-сост. Л. Барыкина. М., 1994. 606 с.
35. Український політичний фольклор / Упорядкування, передмова, коментарі Є.М. Пашенка. Київ: Видавець Микола Дмитренко, 2008. 100 с.
36. ПЗ автора 1986 г. в ст-це Староаннинской Новоаннинского р-на Волгоградской обл.

References

1. Ryblova, M.A. (2017) Praktiki preodoleniya voyny mirnymi zhitelyami poslevoennogo Stalingrada [Practices of overcoming the war by civilians of post-war Stalingrad]. In: Krinko, E.F. (ed.) *Tat'yana Pavlovna Khlynina in memoriam* [Tatyana Pavlovna Khlynina in memoriam]. Rostov on Don: Southern Scientific Center RAS. pp. 530–548.
2. Ryblova, M.A. (2012) [The Great Patriotic War in the people's memory of the Don Cossacks]. *Rossiyanе i nemtsy v epokhu katastrof: pamyat' o voyne i preodolenie proshlogo* [Russians and Germans in the era of catastrophes: the memory of the war and overcoming the past]. Proceedings of the Conference of Russian and German Historians. Volgograd. 7–10 September 2012. Moscow: Rosspen. pp. 135–145. (In Russian).
3. Petrov, N. (2013) Kak baba v belom voynu predkazala: eshatologicheskie nastroyeniya v SSSR [How a woman in white predicted a war: eschatological moods in the USSR]. In: Arkhipova, A. (ed.) *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve* [Mythological models and ritual behavior in the Soviet and post-Soviet space]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 188–199.
4. Balashova, A.F. (2014) The communicative nature of folk tales on the example of texts about the Great Patriotic War through the heavenly signs. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*. 1. pp. 233–240. (In Russian).
5. Fursova, E.F. (2017) Miraculous visions / signs on the eve of the Great Patriotic war in 1941–1945. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 128–131. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/49/23
6. Belova, O.V. (2013) [Stories about signs of war from the Bryansk region: on the issue of typology]. *Zapadnyy region Rossii v mezhduarodnykh otnosheniyakh X–XX vv.* [Western region of Russia in international relations of the 10th–20th centuries]. Proceedings of the 2nd International Conference. Bryansk. 28–30 November 2013. Bryansk: Bryansk State University. pp. 203–211. (In Russian).
7. Dobrovol'skaya, V.E. (2010) "Vse znali, chto voyna budet..." ["Everyone knew that there would be a war..."]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 18–21.
8. Balashova, A.F. (n.d.) Prirodnye i meteorologicheskie primety voyny [Natural and meteorological signs of war]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and Post-Folklore: Structure, Typology and Semiotics]. [Online] Available from: <https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.htm>.
9. Personal Archive of M.A. Ryblova. (1997) *Polevye zapisi 1997 g. v st-tse Tepikinskoy Uryupinskogo r-na Volgogradskoy obl. Inform. M.P. Usacheva, 1921 g.r.* [Field recordings of 1997 in the Tepikinskaya stanitsa, Uryupinsk district, Volgograd region. Informant: M.P. Usacheva, born in 1921]
10. Personal Archive of M.A. Ryblova. (1997) *PZ 1997 g. v st-tse Tepikinskoy. Informant E.F. Arbuzova, 1920 g.r.* [Field recordings of 1997 in the Tepikinskaya stanitsa. Informant: E.F. Arbuzova, born in 1920].
11. Shved, I.A. (2011) Semantika i simvolika chernogo tsвета v mifologii belorusov [Semantics and symbolism of the black color in the mythology of the Belarusians]. *Zhivaya starina*. 3. pp. 11–13.
12. Zaporozhets, V.V. (2005) Znameniya voyny [Signs of war]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 16–18.
13. Personal Archive of M.A. Ryblova. (1997) *PZ 1997 g. v st-tse Tepikinskoy Informant P.V. Kondrashova, 1929 g.r.* [Field recordings of 1997 in the Tepikinskaya stanitsa. Informant: P.V. Kondrashova, born in 1929].

14. Personal Archive of M.A. Ryblova. (1997) *PZ 1997 g. v st-tse Tepikinskoy. Informant E.G. Velikanova, 1930 g.r.* [Field recordings of 1997 in the Tepikinskaya stanitsa. Informant: E.G. Velikanova, born in 1930].
15. Levkievskaya, E.E. (2000) *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian People]. Moscow: Astrel'.
16. Kel'siev, V. (1868) *Galichina i Moldaviya. Putevye pis'ma* [Galicia and Moldova. Travel letters]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Golovina.
17. Potebnya, A.A. (1867) O Dole i srodnykh s neyu sushchestvakh [About the Dolya and creatures related to it]. *Trudy Moskovskogo arkhеologicheskogo obshchestva*. pp. 188–211.
18. Personal Archive of M.A. Ryblova. (1997) *PZ 1997 g. v st-tse Tepikinskoy. Informant Krivova R.F., 1912 g. r.* [Field recordings of 1997 in the Tepikinskaya stanitsa. Informant: R.F. Krivova, born in 1912].
19. Belova, O.V. (ed.) (2005) *Fol'klornye zapisi 1945 goda iz Bryanskoy oblasti* [Folklore records of 1945 from the Bryansk region]. *Zhivaya starina*. 3. pp. 13–17.
20. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavianskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. Saint Petersburg: Nauka.
21. Dal', V.I. (1880) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa.
22. Rybakov, B.A. (1981) *Yazychestvo drevnikh slavyan* [The Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow: Nauka.
23. Shepping, D.O. (1895) *Znachenie nekotorykh zverey, ptits i drugih zhivotnykh po sueveriyam russkogo naroda* [The meaning of some animals, birds and other animals according to the superstitions of the Russian people]. *Filologicheskie zapiski*. 3/4. pp. 1–36.
24. Potebnya, A.A. (2000) *Simvol i mif v narodnoy kul'ture* [Symbol and Myth in Folk Culture]. Moscow: Labirint.
25. Shkrylev, G. (1876) *Koe chto o narodnom sueverii* [Something about folk superstition]. *Donskie oblastnye vedomosti*. 66.
26. Personal Archive of M.A. Ryblova. (1998) *PZ 1998 g. v st-tse Kotovskoy Uryupinskogo rayona Volgogradskoy oblasti. Inf. V.A. Korotov, 1960 g.r.* [Field recordings of 1998 in the Kotovskaya stanitsa, Uryupinsk district, Volgograd region. Informant: V.A. Korotov, born in 1960].
27. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1987) *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
28. Shukshin, V. (1998) *Do tret'ikh petukhov* [Until the Third Roosters]. Moscow: EKSMO-PRESS.
29. Sidorov, V. (ed.) (1994) *Krestnaya nosha* [Cross burden]. In: Barykina, L. (ed.) *Tragediya kazachestva* [Tragedy of the Cossacks]. Moscow: Molodaya gvardiya.
30. Pashchenko, E.M. (ed.) (2008) *Ukrains'kiy politichniy fol'klor* [Ukrainian Political Folklore]. Kiiv: Vidavets' Mikola Dmitrenko.
31. Bernshtam, T.A. (1988) *Molodezh' v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX–XX v. Polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kul'tury* [Youth in the ritual life of the Russian community in the 19th–20th centuries. Gender and age aspect of traditional culture]. Leningrad: Nauka.
32. Bessonov, I.A. (2011) *Traditsiya peredachi "svyatogo khleba" i "piroga schast'ya" v XX–XXI vv.* [The tradition of transferring "holy bread" and "pie of happiness" in the 20th–21st centuries]. *Zhivaya starina*. 3. pp. 5–8.
33. Bernshtam, T.A. (1993) *Vesenne-letnie ritualy u vostochnykh slavyan: maslenitsa i "pokhorony Kostromy-Kostruba"* [Spring-summer rituals among the Eastern Slavs: Maslenitsa and the "funeral of Kostroma-Kostrub"]. In: Myl'nikov, A.S. (ed.) *Etnograficheskaya nauka i etnokul'turnye protsessy: Sposoby vzaimodeystviya* [Ethnographic Science and Ethnocultural Processes: Methods of Interaction]. Saint Petersburg: MAE. pp. 45–65.
34. Vengrzhenskiy, S. (1895) *Yazycheskiy obyчай v Bratslavshchine "gonyaty shulyaka"* [The pagan "gonyaty shulyaka" custom in the Bratslav region (Ethnographic study)]. *Kievskaya starina*. 1. pp. 282–323.
35. Ryblova, M.A. (2016) *Kalendarnye prazdniki donskikh kazakov* [Calendar holidays of the Don Cossacks]. 2nd ed. Volgograd: Volgograd State University.
36. Ryblova, M.A. (1986) *PZ avtora 1986 g. v st-tse Staroanninskoy Novoanninskogo r-na Volgogradskoy obl.* [Field recordings of 1986 in Staroanninskaya stanitsa, Vovoanninskiy district, Volgograd region].

Информация об авторе:

Рыблова М.А. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории казачества Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ryblova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Ryblova, Dr. Sci. (History), leading researcher of the Laboratory of Cossacks, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: ryblova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.07.2020;
одобрена после рецензирования 26.05.2021; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 09.07.2020;
approved after reviewing 26.05.2021; accepted for publication 28.01.2022.